

А. П. ПОГРЕБИНСКИЙ

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ ФИНАНСОВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ

Проф. А. П. ПОГРЕБИНСКИЙ .

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ ФИНАНСОВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ
(XIX—XX вв.)

ГОСФИНИЗДАТ • 1954 • МОСКВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Марксизм-ленинизм учит, что финансы в каждом государстве являются своего рода зеркалом, в котором отражается политика правящих классов. Социально-экономическая природа государственных финансов определяется общественным строем, характером экономических законов. Этим же предопределяется и финансовая политика эксплуататорских государств: все ее финансовые рычаги — налоги, займы, инфляция и бюджетные расходы. Эксплуататорские классы используют ресурсы государственной казны, в основном собранные с населения в форме налогов, не только как средство материального обеспечения реакционной политики, направленной на сохранение своего классового господства, но и как источник увеличения своих и без того огромных доходов.

Правильное, научное объяснение характера и направления финансовой политики господствующих классов немыслимо без изучения истории финансов. В свою очередь история финансовых институтов тесно связана с социально-экономической историей, является ее неотъемлемой частью. Нельзя глубоко исследовать экономику страны, положение различных классов и социальных групп в тот или иной исторический период без детального анализа государственных финансов и финансовой политики правящих кругов. И, наоборот, нельзя изучать финансы страны в отрыве от ее экономики.

Автор данной работы поставил своей целью, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма и используя марксистскую методологию, критически изучить официальные материалы, относящиеся к экономике и финансам дореволюционной России, и на этой основе показать характер и направление ее финансовой

политики от начала XIX столетия до Великой Октябрьской социалистической революции. Изучение финансов дореволюционной России, имея самостоятельное научное значение, важно также и для исследования другой, более обширной отрасли научного знания — истории народного хозяйства.

В соответствии с поставленной задачей книга состоит из трех разделов. Каждый из этих разделов охватывает определенный отрезок времени.

В первом разделе освещается состояние финансов России в период кризиса крепостничества и постепенного формирования капиталистических отношений (от начала XIX столетия до 1861 г.). В этот период все финансовые категории носили на себе печать феодального строя. Финансовая политика царского правительства отражала интересы отживавшего класса дворянства, всемерно стремившегося задержать замену старого крепостнического строя новым, капиталистическим.

Собирая разорительные налоги с нищего крепостного крестьянства, самодержавие укрепляло за счет этих средств военно-полицейский аппарат власти, защищавший феодально-крепостной режим. Вместе с тем налоговая политика царизма в дореформенную эпоху ускоряла процесс разорения мелких производителей и обогащения нарождавшейся буржуазии. Особенно важную роль в деле первоначального накопления капитала в России сыграла откупная система. В книге показано, что в течение первой половины XIX в. винные откупа способствовали созданию целой группы крупной буржуазии, вложившей впоследствии награбленные миллионы в самые различные отрасли капиталистического хозяйства страны.

Второй раздел посвящен государственным финансам России в период промышленного капитализма (от 1861 г. до конца XIX столетия). После реформы 1861 г. феодальная монархия все более превращалась в буржуазную монархию. В этот период царское правительство было вынуждено приспосабливать свою финансовую политику к запросам развивавшегося капитализма.

Значительная часть собранных у налогоплательщиков средств расходовалась на финансирование капиталистического хозяйства — строительство железных дорог, предоставление монополиям всевозможных субсидий и премий. Финансовая система

в этот период служила рычагом перераспределения национального дохода в пользу буржуазии, в ущерб пролетариату.

Третий раздел книги посвящен анализу государственных финансов России в период монополистического капитализма, т. е. от начала XX столетия до Великой Октябрьской социалистической революции. В эпоху империализма финансы и финансовая политика царизма были направлены на обеспечение заправилам капиталистической промышленности и банков максимальных прибылей.

Государственные финансы капиталистических стран ведут к росту паразитизма и загниванию капитализма, к усилению анархии и хаоса в капиталистическом хозяйстве, к обострению всех противоречий буржуазного общества.

Автор стремился осветить лишь центральные проблемы финансов дореволюционной России, изучение которых даст возможность понять внутренние, социальные основы финансовой политики самодержавия.

В книге имеются также специальные главы, посвященные строительству железных дорог в пореформенной России. Это вызвано тем обстоятельством, что затраты на железнодорожное строительство являлись в то время важнейшей частью государственных расходов страны. Возрастание русского государственного долга в период капитализма было также в значительной степени связано с созданием сети железных дорог. Таким образом, без изучения финансовой стороны железнодорожного строительства нельзя получить законченное представление о системе государственных финансов царской России в целом. Кроме того, история строительства железных дорог раскрывает яркую картину грабежа казны различными концессионерами, подрядчиками, заправилami частных железнодорожных компаний, а также царскими вельможами, нажившими таким путем миллионные состояния. В империалистическую стадию железнодорожная политика самодержавия становится средством обогащения железнодорожных монополий, превращается в источник получения ими максимальных прибылей. Все эти соображения заставили автора сравнительно подробно отразить в настоящих очерках и историю финансирования казной железнодорожного строительства.

В последнем параграфе книги освещена финансовая политика Временного правительства, которая была также подчинена интересам империалистической буржуазии и носила явно реакционный, антинародный характер. Большевики систематически разоблачали политику Временного правительства, разъясняли трудящимся массам всю лживость и обман, царившие в финансовой политике буржуазии. Этой финансовой политике Временного правительства Коммунистическая партия накануне Октября противопоставляла свою, в корне отличную, финансовую программу.

Великая Октябрьская социалистическая революция направила нашу Родину по новому, социалистическому пути развития. Вместо старой государственной машины дореволюционной России рабочий класс в союзе с крестьянством под руководством Коммунистической партии, взяв власть в свои руки, создал новый тип государства — Союз Советских Социалистических Республик, диктатуру пролетариата. Коренные изменения в условиях экономической жизни общества, выразившиеся в ликвидации монополистического капитализма и возникновении социалистического способа производства, привели к тому, что основной экономический закон современного капитализма потерял силу в нашей стране и уступил место основному экономическому закону социализма. На смену закону конкуренции и анархии капиталистического производства вступил в действие закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Принципиально, коренным образом изменились также государственные финансы, кредит, денежная система и финансовая политика, которые служат теперь интересам трудящихся.

При создании данной монографии автор столкнулся с большими трудностями. История финансов дореволюционной России в советской историко-экономической литературе освещена крайне слабо. До сих пор не только нет еще общих курсов по истории финансов и финансовой политики царизма, но и отдельные проблемы и этапы этого длительного исторического периода не привлекли достаточного внимания исследователей. Крайне затруднено также пользование источниками по истории финансов России. Часть из них представляет собой отчетно-ведомственные материалы финансовых органов самодержавия. Но царские прислужники, как известно, стремились представить состояние фи-

нансов страны в розовом свете, поэтому в отчетных материалах многие факты извращены. Использование таких отчетно-ведомственных материалов требует критического отношения, проверки, сопоставления одних источников с другими. К тому же некоторые стороны финансовой политики царизма были засекречены и не отражены даже в архивных документах. В связи с этим не все разделы книги удалось разработать с достаточной полнотой.

Слабая изученность истории финансов дореволюционной России, бедность специальной монографической литературы по этим вопросам, конечно, наложили некоторый отпечаток на публикуемую книгу. Не все ее разделы разработаны достаточно полно и систематично.

В данной монографии в качестве источников использованы прежде всего фонды Центрального государственного исторического архива в Москве (ЦГИА), Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) и материалы рукописного отдела Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. Большинство из привлеченных архивных документов используется впервые, как, например, отчет министра финансов Грейга Александру II, содержащий ценные и малоизвестные данные о состоянии государственных финансов России за 25 лет (с 1855 по 1880 г.); документы из фондов министерства финансов; рукописный дневник А. Н. Куломзина; записки и бумаги крупного предпринимателя и концессионера 60—70-х годов Ф. В. Чижова и ряд других.

Из опубликованных в печати материалов широко привлечена отчетно-ведомственная литература: отчетные и справочные издания министерства финансов царской России и государственного контроля, министерства путей сообщения, государственного банка, отчеты различных комиссий, созданных царским правительством, и т. п. В некоторых частях книги использована также мемуарная и газетная литература, отразившая взгляды различных слоев буржуазии и дворянства на финансовую и налоговую политику самодержавия.

Привлекая новые архивные документы и другие первоисточники, автор стремился к тому, чтобы расширить круг фактиче-

ских сведений о финансовой истории России и построить свои обобщающие выводы и оценку финансовой политики царизма на достаточно убедительном, конкретном материале. Вполне справедливо мнение, что одно только собирание фактов без их глубокого анализа и обобщения не создает еще подлинно научной истории. С другой стороны, не менее бесспорно и то, что непрерывное расширение наших конкретных представлений о прошлом путем привлечения новых, доселе неизвестных фактов является первичным и необходимым элементом исторического исследования.

Марксистско-ленинской исторической науке одинаково чужд как принцип голого и ограниченного собирания фактов, так и бесплодный, догматический схематизм, отмежевывающийся от всякого конкретного исторического исследования, сводящийся к повторению заученных формул и положений.

Автор отчетливо сознает, что создание данной монографии по истории финансов нашей страны за обширный, почти столетний период не лишено, разумеется, недостатков и пробелов. Он рассчитывает на то, что критика читателей поможет в дальнейшем углубить и расширить содержание этих очерков по истории финансов дореволюционной России.

РАЗДЕЛ I

ФИНАНСЫ РОССИИ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНО- КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА И ФОРМИРОВАНИЯ КАПИТАЛИЗМА (1800—1860 гг.)

Глава первая

ФИНАНСЫ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

РАЗЛОЖЕНИЕ И КРИЗИС ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА

В начале XIX в. в социально-экономической жизни России явно обнаружилось нарушение важнейшего закона развития общества — закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Отжившие феодально-крепостнические отношения тормозили рост производительных сил страны: развитие техники, капиталистической мануфактуры, перестройку сельского хозяйства на новых прогрессивных началах.

Реакционное дворянство всеми силами сопротивлялось этой исторически назревшей ломке феодально-крепостнического строя и замене его капиталистическим. Оно мобилизовало весь свой военно-полицейский аппарат для борьбы с растущим революционным движением, использовало все рычаги своей власти, чтобы сохранить крепостное право и феодальное землевладение.

На протяжении первой половины XIX в. финансовая политика самодержавия была целиком направлена на поддержку помещиков-крепостников. Бюджет и бюджетное право, налоги, система государственного кредита поставлены были на службу этому отмиравшему классу.

Для того чтобы глубже понять основное содержание дореформенных финансовых институтов, необходимо кратко охарактеризовать ту социально-экономическую обстановку, которая существовала в данный период в стране.

Особенностью социально-экономического развития дореволюционной России явилось длительное сохранение крепостного

права. Однако последнее не было непреодолимой преградой для роста капитализма. Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали продолжительность формирования капитализма, отмечая, что начальные стадии этого процесса происходят в рамках сохранившейся феодальной формации. Затяжной характер процесса первоначального накопления в России, сочетание в нем первых стадий развития капитализма с господством феодально-крепостнических отношений с большой силой были подчеркнуты Лениным в полемике с народниками.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» указано, что новая социально-экономическая формация возникает «...не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя...»¹. Опираясь на марксистско-ленинское учение о вызревании капиталистических отношений в недрах феодальной системы хозяйства, советские исследователи за последние годы опубликовали ряд работ, показывающих постепенное зарождение и развитие капиталистического уклада в России еще в XVIII в. Труды академика С. Г. Струмилина, К. Н. Щепетова, И. В. Мешалина, дискуссия о социально-экономической природе русской мануфактуры, происходившая на страницах журнала «Вопросы истории» в 1948 г., со всей очевидностью показали, что в России этот внутриутробный период капитализма был особенно затяжным и болезненным².

Уже в XVIII в. (во всяком случае в его второй половине) в жизни страны наблюдались явления и процессы, носившие ярко выраженные черты перехода от крепостничества к капитализму. Значительное расширение внутреннего товарооборота в системе единого всероссийского рынка, увеличение роли купеческого капитала, безусловная резкая дифференциация крепостного населения, выразившаяся в росте, с одной стороны, кучки богатых «капиталистических» крестьян, владельцев лавок, раздаточных контор, а с другой — в массовом обнищании крестьянства, появление и развитие мануфактуры капиталистического типа, связанной с работой крестьян на дому, — все эти и им подобные явления и факты свидетельствуют о том, что мануфактурный период русского капитализма начался еще в XVIII в.

Конечно, существование крепостного права и сосредоточение всей политической власти в руках помещиков-крепостников тормозили развитие капиталистических отношений в стране, придавали процессу формирования капитализма особенно сложный и мучительный характер. Однако крепостничество только задержи-

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 123.

² С. Г. Струмилин, Промышленный переворот в России, 1944 г., К. Н. Щепетов, Крепостное право в вотчинах Шереметьевых, 1948 г., И. В. Мешалин, Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX вв., 1950 г.

вало, но не устраняло возможности постепенного развития в России капиталистических отношений.

В первой половине XIX в. разложение феодально-крепостнической системы хозяйства особенно углубилось. В течение этого периода назревал кризис крепостного строя в России. В первой четверти XIX в. наблюдался быстрый рост капиталистической мануфактуры, основанной на вольнонаемном труде, и прогрессирующий упадок крепостнической вотчинно-дворянской мануфактуры. Помещичьи предприятия, которые не в силах были конкурировать с более передовыми капиталистическими мануфактурами, закрывались одно за другим. Резко снизилась рентабельность помещичьих предприятий. Так, суконная «фабрика» декабриста М. С. Лунина в 1824—1825 гг. дала своему владельцу только 2% чистой прибыли и была закрыта. Судьба лунинской фабрики типична для дворянского предпринимательства того времени.

Распад основанной на крепостном труде вотчинно-дворянской и посессионной промышленности происходил особенно интенсивно во второй четверти XIX в. По данным К. Пажитнова, за период с 1825 по 1860 г. число посессионных (прикрепленных к предприятиям) рабочих сократилось с 29 до 12 тыс., вотчинных — с 67 до 59 тыс. человек, в то время как количество вольнонаемных рабочих увеличилось более чем в четыре раза. Под давлением промышленников царское правительство в 1840 г. издало закон, разрешавший фабрикантам отпускать своих посессионных рабочих на волю.

Те немногие отрасли промышленности, в которых в предреформенную эпоху преобладал крепостной труд, пришли в упадок. Ярким примером в этом отношении была уральская металлургия, которая в первой половине XIX в. находилась в состоянии полного застоя. Между тем промышленные отрасли, построенные на капиталистических началах, развивались исключительно быстро и интенсивно. К числу наиболее передовых отраслей относилась хлопчатобумажная промышленность. Уже в 1814 г. в ней насчитывалось свыше 97% вольнонаемных рабочих¹. В 1820 г. в России вырабатывалось 32 млн. аршин хлопчатобумажных тканей. В этой отрасли распространены были весьма крупные по своим размерам предприятия капиталистического типа, основанные исключительно на вольнонаемном труде. Например, в московском промышленном районе в 20-х годах XIX в. мануфактура, на которой насчитывалось свыше тысячи рабочих, не была редким явлением. На хлопчатобумажной

¹ М. К. Рожкова, Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во 2-й четверти XIX в. и русская буржуазия, 1949 г., стр. 21.

мануфактуре московского предпринимателя Григория Чорокова было около 6 000 рабочих. Часть из них работала у себя на дому в деревнях¹. Особенно стремительный рост промышленного производства наблюдался во второй четверти XIX в. С 1825 по 1850 г. число промышленных предприятий в России увеличилось с 5 261 до 9 848, число рабочих — с 211 до 517 тыс., а стоимость произведенной продукции — с 46 до 166 млн. руб.²

Эти цифры свидетельствуют не только о количественных, но и качественных сдвигах, которые происходили в русской промышленности. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что стоимость произведенной промышленной продукции росла гораздо быстрее, чем количество занятых промышленных рабочих. Данный факт указывает на ускорение темпов роста производительности труда, связанное с техническим перевооружением.

Быстрый рост текстильной промышленности в первой половине XIX в. был подготовлен всей ее предшествующей историей. Именно эта отрасль вырастала из недр крестьянских промыслов, развившихся еще в XVIII в. Капитализм в России имел свои внутренние корни: он проникал главным образом через крестьянские ворота.

На базе сравнительно ускоренного роста хлопчатобумажного производства не только богатели и расширялись старые промышленные центры, но и появлялись новые города, возникшие в районах сосредоточения крестьянских промыслов. Село Иваново, например, превращалось в «русский Манчестер» — крупный торгово-промышленный центр всероссийского значения. В 40-х годах XIX в. здесь насчитывалось свыше сотни хлопчатобумажных предприятий, выпускавших одного только ситца на 8 млн. руб. в год.

За первую половину XIX в. вообще значительно повысился удельный вес городского населения. По некоторым подсчетам с 1812 по 1856 г. процент городских жителей в России увеличился с 4,4 до 8,9, что явилось следствием развития промышленности и торговли.

В дореформенный период не только укладывается мануфактурная стадия капитализма, но и совершается переход к крупной машинной индустрии. Промышленный переворот в России, как показал академик С. Г. Струмилин, был к 1861 г. в основном уже совершен. Это подтверждают данные о развитии машиностроения в России, а также об импорте машин. Еще в 1830 г. русское машиностроение находилось в начальной стадии своего развития. В этом году в стране было произведено 726 машин

¹ М. К. Рожкова, Цит. соч., стр. 29.

² С. В. Вознесенский, Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг., 1932 г., стр. 41, 155.

на сумму в 240 тыс. руб. серебром¹. В последующее тридцатилетие производство машин значительно увеличилось. В 1861 г., например, стоимость продукции механических и литейных заводов составляла 13 млн. руб., в то время как за десятилетие до этого продукция данных предприятий оценивалась лишь в 4 млн. руб. В предреформенный период создаются такие крупнейшие машиностроительные предприятия капиталистической России, как Сормовский завод, рост которого в 50-е годы был неразрывно связан с распространением парового водного транспорта. К середине XIX в. применение паровых машин в речном судоходстве было уже настолько распространено, что появилась потребность в развитии отечественного пароходостроения. К этому времени на Волге ходило уже около 20 пароходов. Кроме того, пароходы можно было встретить на Неве, Ладоге, Днепре и других крупных реках страны.

Важную роль в техническом перевооружении русской промышленности играл также ввоз машин из-за границы. За двадцатилетие (с 1830 по 1850 г.) в Россию было ввезено оборудования и машин на 24 млн. руб., а в течение 50-х годов — на 48 млн. руб.

Таким образом, 50-е годы были периодом широкого распространения паровых машин в промышленности и на транспорте. В. И. Ленин считал применение паровых машин одним из характернейших признаков крупной машинной индустрии². К 1857 г. в одной только московской промышленности использовались 152 паровые машины, мощностью в 3 115 лошадиных сил³. Во всей же промышленности России к концу 50-х годов мощность паровых двигателей составляла 15 тыс. лошадиных сил.

Как росло применение машин в указанный период, видно из того, что даже на чугунолитейных и железоделательных заводах, сложившихся как крепостные предприятия, накануне реформы 1861 г. вводились различные технические усовершенствования. На Выксунских заводах (Урал), например, в 50-е годы существовало уже 13 паровых машин. Все эти данные свидетельствуют о том, что основные сдвиги в процессе перехода от мануфактуры к фабрике произошли в России до 1861 г. Падение крепостного права, устранившее основную преграду для развития производительных сил, лишь способствовало быстрому завершению промышленного переворота в стране и распространению его не только на передовые, но и на остальные отрасли промышленности.

¹ С. Г. Струмилин, К вопросу о промышленном перевороте в России, «Вопросы экономики» № 12 за 1952 г., стр. 70.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 443.

³ «Вопросы истории» № 11—12 за 1946 г., стр. 47.

Ближайшими результатами промышленного переворота в России было расширение производства товаров, рост городов и появление новых промышленных центров, увеличение численности промышленного пролетариата за счет разорявшихся крестьян и ремесленников.

Развитие капиталистической крупной машинной индустрии находилось в вопиющем противоречии с феодально-крепостным строем дореформенной России, на страже которого стояло самодержавие. Царизм в этот период всячески стремился сохранить крепостное право и все привилегии феодального дворянства, затормозить развитие новых, капиталистических общественных отношений в стране. Однако эти реакционные попытки повернуть колесо истории назад были обречены на полный провал. Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру развития производительных сил общества настойчиво пробивал себе дорогу, несмотря на сопротивление отжившего класса дворян.

Успехи капиталистического развития промышленности все больше углубляли кризис крепостного строя. Развивавшаяся крупная капиталистическая промышленность выбрасывала много товаров, которые с трудом находили сбыт внутри страны. Нищее и разоренное крепостное крестьянство, хозяйство которого в значительной степени носило натуральный характер, предъявляло крайне незначительный спрос на товары широкого потребления.

Для русской буржуазии проблема внутреннего рынка была исключительно сложной. Территориальное увеличение Российской империи отчасти компенсировало предпринимателей, расширяя рамки спроса на потребительские товары. Текстиль и металлические изделия центрального промышленного района уже в первой половине XIX в. находили себе рынок сбыта не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в Грузии и Азербайджане. Усилились и внешнеторговые связи с Востоком. Стоимость вывезенных русских товаров в Китай с 1830 по 1857 г. увеличилась с 1,5 до 6 млн. руб. серебром. Одновременно возрастал экспорт текстильных изделий в Иран и Среднюю Азию. В 40—50-х годах русская буржуазия проявляла исключительную активность на среднеазиатских рынках, добиваясь от царского правительства поддержки в развертывании торговли с этими странами. Однако усиление внешнеторговых связей с Востоком не устраняло необходимости расширить внутренний рынок для развивавшегося капитализма.

Крепостное право тормозило также процесс превращения рабочей силы в товар, процесс, составляющий основу капиталистических отношений. Оброчный крестьянин, нанимавшийся на фабрику, все же не был свободен, зависел от помещика и был вы-

нужден отдавать последнему часть своего заработка в виде оброка. Развивавшиеся капиталистические отношения сталкивались также с устаревшими феодальными нормами законодательства и права, крепостнической, явно не соответствовавшей требованиям жизни организацией кредита и т. д.

В течение первой половины XIX в. капиталистические отношения укреплялись и в сельском хозяйстве. Уже с первой четверти этого столетия увеличение спроса на хлеб и сельскохозяйственные продукты как внутри страны, так и за рубежом заставило многих помещиков стать на путь внедрения некоторых агротехнических нововведений и рационализации хозяйства. Вопрос о преимуществах вольнонаемного труда перед крепостным в этот период широко обсуждался помещиками в периодической печати и на заседаниях различных обществ. Однако практическое применение вольного найма в помещичьих имениях в данный период не получило широкого распространения. В 40-50-х годах положение резко меняется. В течение этих двух десятилетий преимущества вольнонаемного труда перестают быть только предметом теоретических упражнений либералов. В ряде районов империи (Украина, Белоруссия, Среднее Поволжье) владельцы крупных имений предпринимательского типа отдадут предпочтение вольнонаемному труду перед крепостным.

Крепостническая эксплуатация, хотя и усиливалась с каждым годом, вместе с тем переживала глубокий кризис. Ненасытное стремление помещиков увеличить размеры своих владений и присвоить себе как можно большую часть труда крепостного крестьянства привело к тому, что рушилась главная основа феодально-крепостнического хозяйства: наделение сельскохозяйственного производителя землей.

Кризис барщинной системы проявился в распространении так называемой «месячины», при которой помещики отнимали у крестьян землю, лишали их собственного хозяйства и переводили на свое содержание. «Месячина» была результатом доведенной до крайних пределов интенсификации барщины. После того как количество дней барщины в неделю дошло до 6, оставалось только лишить крестьянина вовсе собственного надела, чтобы заставить его отдать весь свой труд, все рабочее время помещику.

Наряду с этим некоторые помещики в середине XIX в. уже применяли труд наемных рабочих, набираемых со стороны. К этому в первую очередь обратились те дворяне, хозяйство которых носило ярко выраженный предпринимательский характер: владельцы винокуренных и сахароваренных заводов и т. п. В некоторые губернии и районы в период летних полевых работ приходили сезонные рабочие из самых отдаленных местностей. Так, в Херсонской губернии в летнее время ежегодно появлялось

до 300 тыс. рабочих из других районов страны. Среди крестьян получили широкое распространение так называемые отхожие промыслы. В середине XIX в. из одной только Полтавской губернии около 70 тыс. государственных крестьян ежегодно отправлялись на отхожие промыслы.

Однако в предреформенный период имения, в которых применялся вольнонаемный труд, были все же исключением из общего правила. Большинство помещиков предпочитало повышать свои доходы путем дальнейшей интенсификации барщины и увеличения оброка, а не при помощи использования капиталистических методов хозяйствования.

В целом, сельское хозяйство было самой отсталой отраслью экономики предреформенной России.

Этот отрезок времени характеризуется также значительным расширением внутреннего товарооборота и внешней торговли страны. С 1825 по 1852 г. ярмарочные обороты в России увеличились в четыре раза. В 1855 г. оборот одной только Нижегородской ярмарки составил 58 млн. руб.¹.

В предреформенный период достигли больших размеров торговые обороты другой крупнейшей ярмарки — Ирбитской, обслуживавшей Урал и Сибирь. Накануне реформы на ней ежегодно продавалось товаров на 25 млн. руб. Ярмарки с миллионными оборотами существовали также на Украине. Наряду с ярмарочной росла и постоянная магазинная торговля.

Увеличение внутреннего товарооборота заставило царское правительство затрачивать некоторые средства на строительство шоссейных, а впоследствии и железных дорог, на развитие водных сообщений. За период с 1833 по 1855 г. было построено 6,5 тыс. верст шоссейных дорог, а также первые железные дороги: Царскосельская, Николаевская и Варшаво-Венская.

Накануне реформы довольно быстро росла и внешняя торговля России. Главным предметом вывоза становились хлеб и сельскохозяйственные продукты. Хлебный экспорт по стоимости составлял свыше одной трети всего русского вывоза. Кроме того, вывозились лен, пенька, лес, кожа и другие виды сельскохозяйственного сырья. Россия импортировала ткани, машины и оборудование, металлические изделия, хлопок и т. п. Рост внешне-торговых оборотов страны виден из таких данных: за период с 1850 по 1855 г. средний годовой оборот внешней торговли составил (в тысячах золотых рублей) 263 млн. руб., а через пять лет (с 1856 по 1860 г.) — 400 млн. руб.

Показателем сравнительной зрелости развития капиталистических отношений в предреформенной России явились промышлен-

¹ С. Гулишамбаров, Итоги торговли и промышленности России в царствование императора Николая I, Спб., 1890 г., стр. 20.